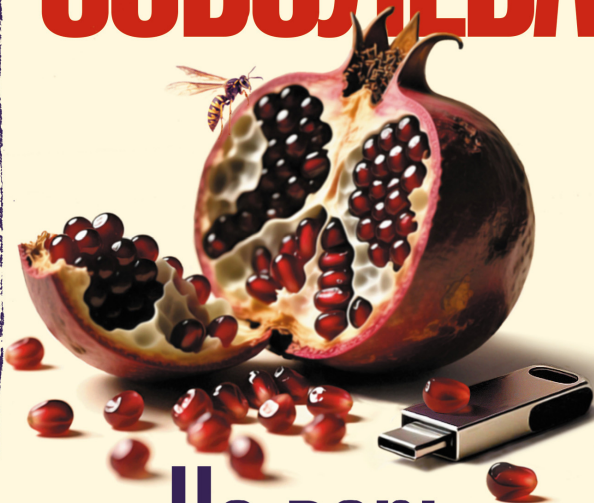


Лариса СОБОЛЕВА



Не верь глазам своим

ДЕТЕКТИВ В БАРОВЫХ ТОКАХ

Лариса Павловна Соболева

Не верь глазам своим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74197806

Не верь глазам своим: Издательство АСТ; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-184939-9

Аннотация

Сергей Шевелев, благополучный предприниматель, получает анонимное видео послание, в котором его жена Вероника, уличается в измене. Ничуть не усомнившись, поверив, что все это правда, он поступает жестко и выгоняет ее среди ночи, на мороз, на улицу, без денег, заведомо зная, что идти ей некуда. В один миг рухнула вся жизнь Вероники – дом, семья, муж, дети! Все чем жила, что любила, о ком заботилась все это время. Несмотря на ее заверения, что это состряпанная фальшивка, он непреклонен. Вероника понимает, что есть только одно место, где ей поверят и помогут доказать свою невиновность. И она идет туда... Но это возвращение едва не стоило ей жизни...

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	24
Глава третья	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лариса Соболева

Не верь глазам своим

© Соболева Л., 2026

© ООО «Издательство «АСТ», 2026

*** * ***



Лариса
СОБОЛЕВА
Не верь глазам своим



Издательство АСТ

Москва

*Всё, что ты видишь, всё, что ты слышишь, —
всё не то, чем кажется.*

Цитата из фильма «Рекрут»

Глава первая

Изгнание

– Да иду я! Иду...

Дарья Егоровна с быстрого шага перешла на бег трусцой, в ее-то возрасте, далеко за пятьдесят, и с комплекцией маленького бегемотика не побегаешь, но вынуждена бежать. Незвестный ночной гость звонил непрерывно, словно нервы на прочность испытывал, она женщина мягкая и спокойная, однако ворчала по пути, как злая старуха:

– Кого это черти принесли в столь поздний час? Шляются по ночам от нечего делать... Ой, это вы, Сергей Юрьевич! Сейчас... сейчас... я мигом...

Дверь с остеклением в пол, как и стена. Фигуру хозяина в луче верхнего наружного света видно хорошо, но слышать ее Шевелев не мог, шумоизоляция в доме отличная. Он стоял в распахнутом пальто, без шапки и непрерывно давил на кнопку звонка, опустив голову и глядя под ноги. Дарья Егоровна лихорадочно нажала на пульт, боясь ошибиться, ей редко приходилось открывать эту дверь, у хозяев есть карточки, подобные в банках выдают. Однако справилась и, когда Шевелев вошел, виновато произнесла:

– Простите, я думала, чужой... А почему вы звоните? У вас же карточка... то есть ключ есть.

– Уронил в сугроб, – стягивая перчатки, сказал он. – Вероника где?

Какой-то неприветливый, хмурый, натянутый весь... Нехорошие признаки, редкие в этом уютном и психологически комфортном доме, сигнализируют, что здесь надолго воцарится напряженная атмосфера. Дарья Егоровна спохватилась, ведь во время оценки хозяина затянула паузу, и дала ответ на его вопрос:

– Наверху, в кабинете у компьютера, ждет вас к ужину. Вы сегодня задержались... У вас уставший вид... Проблемы, да?

Шевелев словно не слышал, по всей видимости, и не слушал, потому ничего не сказал, молча бросил перчатки на кушетку в прихожей, сосредоточенно и медленно снимал пальто, хотя что его там снимать. Как правило, придя домой, он перекидывался дружескими фразами с управдомом, так в шутку прозвал Дарью Егоровну, но не сегодня... что-то с ним не то.

Обычно он доброжелательный, улыбается редко, но это не мешает воспринимать его положительно, ему нет и сорока, тридцать восемь, сейчас это возраст расцвета, а не заката, как было когда-то. Сергей успешен, работает в компании отца, уже свою компанию имеет. У него грубое широкое лицо с крупными чертами, но это как раз та грубость, которая привлекает, а женщин восхищает, глаза проницательные и умные, в нем угадывается внутренняя сила, мощная энергия, да и физически он крупный.

Есть младшие брат и сестра, все трое немного похожи, одеть их в человеческую одежду (простую, какую носят раб-ботяги), из толпы не выделишь. Да только человек ценен не портретом и не костюмом, а тем, что у него за внешним фасадом, правда, это личное мнение Дарьи Егоровны, весьма непопулярное в современном мире. Так вот отец и старший сын брали другим: деловыми качествами и уважительным отношением ко всем, хорошие люди, считала она.

А сегодня, сразу заметила, Сергей необычный, вероятно, устал или проблемы на работе. Небрежно кинув пальто на кресло, сверху шарф, который упал на пол, Шевелев взбежал по лестнице вверх.

– Ужин через десять минут будет на столе, – поднимая шарф, сообщила вдогонку ему Дарья Егоровна.

Он ни слова. Странно, не похоже на Сергея.

Вероника последнее время увлеклась дизайнерскими программами, тем же фотошопом, не фотографией как таковой, всякие там ретуши или из бабы-яги сделать красотку – неинтересно. Ее привлекало, что из фоток можно создать в этой программе эксклюзивные картинки, а из портретов знакомых, которых сама фотографировала, сделать нечто волшебное, иллюстрации к классике и фантастике, не за деньги, она просто училась. А в планах ландшафтный дизайн, этим хотела бы заняться серьезно. Разумеется, работы выкладывала в интернет, любому человеку хочется оценки творчеству и хотя бы немного похвалы. Вероника получила массу

положительных отзывов, однако радость испортили желчные комментарии, мало их было, а она два дня ходила под гнетущим впечатлением. Как раз последние свои художества Вероника разместила на одном из своих каналов, как вдруг вошел муж.

– Ты сегодня поздно, мы заждались, – развернувшись в кресле к нему лицом, улыбнулась она. – Я сейчас переоденусь к ужину и...

– погоди, – идя к ней, сказал Сергей. – У меня есть кое-что для тебя.

– У тебя такой вид... – заметила она. – Случилось что-то плохое?

– Сама увидишь.

Он вставил в ноутбук флешку, взял стул и поставил рядом с креслом жены, сел, включил видеозапись. Но что интересно, не в монитор смотрел муж, а на нее, к монитору он сел боком, локоть положил на стол, поза демонстративная, как и вид. В чем дело? Ничего не понимая, Вероника перевела взгляд на монитор...

То, что она там увидела, повергло ее в шок и ступор. Не могла ни выдохнуть, ни вдохнуть, ни пошевелиться, впрочем, одна часть на ее теле шевелилась в прямом смысле – волосы.

Вероника видела себя! Но не просто себя в каком-то месте, а в постели! С блондинистым слащавым пацаном! Во время акта! Со всеми положенными движениями, вздохами,

стонами, страстными поцелуями!

Она почувствовала, как все тело заливает адский жар, будто опустили ее в бочку с кипятком и подогревают. Подняв руку и указывая на монитор, Вероника с трудом выговорила:

– Что... что это? Откуда...

Сергей находился на грани взрыва, за девять лет совместной жизни она изучила стадии его внешнего спокойствия, могла расшифровать взгляд темно-серых глаз и по губам определить, на каком градусе он находится.

– Вот и я хотел тебя спросить – что это? Но вопрос лишний, видно и так. Спрошу по-другому: с кем ты здесь?

– Это... – Вероника сглотнула сухой ком, понимая, что убедить мужа будет чрезвычайно трудно, помимо всего прочего, не знала, как это сделать. – Это не я!

Он вскочил и заходил за ее спиной туда-сюда, зло цедя:

– Да ну! Хочешь сказать, у меня и у тебя галлюцинация? Но я могу запустить эту галлюцинацию еще раз, еще и еще! Не подскажешь, каким образом моя галлюцинация, или фантазия моего воображения, зафиксировалась на флешку?

– Сережа!.. – подскочила и Вероника. – Поверь...

– И как у тебя хватает наглости заявлять, что не тебя... имеет эта кудрявая обезьяна? – зло продолжил он, указав на компьютер. – Лицо не твое? Голос не твой, нет? И волосы не твои?

– Да, все мое, не спорю, – перебила она нервно. – Но это не я. Не я! Какая-то злая шутка, подстава, кому-то понадо-

билось меня очернить... Я не знаю, как это сделано...

– В моем доме тебе больше нечего делать, уходи, – вынес он приговор на предельно спокойной ноте, идя к выходу из кабинета. – Сейчас же уходи.

– Но это не я! – закричала ему в спину Вероника с отчаянием человека, которого казнят по ошибке. Она перебежала к двери, перегородила ему дорогу и панически зачастила: – Ты слышишь меня? Никакого отношения я не имею к этому видео, не знаю, кто эти люди... Очень похожая на меня женщина... но не я, понимаешь? Это не я! Сережа, почему ты мне не веришь?

– Ты еще спрашиваешь? Странно, что до тебя не дошло...

– Сережа, разве я когда-нибудь давала повод усомниться...
ся...

И ойкнула, непроизвольно схватившись за щеку, потому что Сергей от всей израненной души вlepил ей звонкую пощечину. От боли Вероника зажмурилась, слыша сквозь звон в ушах голос мужа, он, сдерживая себя, цедил сквозь зубы:

– Ну и дрянь же ты. Попалась с поличным и отрицаешь факт.

Сергей грубо схватил жену выше локтя и вытолкнул на площадку перед кабинетом, подвел к лестнице, искушение было велико столкнуть ее и видеть, как мерзавка кувыркается, катясь вниз. С большим нежеланием разжал кулаки, с одной рациональной мыслью: убьет ненароком – сиди потом в тюрьме из-за всякой твари.

– Убирайся, – отрезал он. – Я не потерплю грязь в своем доме, уноси ее с собой немедленно.

Вероника разлепила веки, смотрела на мужа и не узнавала: багрового цвета, желваки на скулах двигались, словно он что-то жевал твердое, а по выражению лица – невкусное, притом ожесточение сверкало в глазах. Она потерялась, происходящее виделось ей нереальной фантазией, чужой историей, но никак не эпизодом из ее собственной жизни. Щеку словно огонь опалил. Горячие слезы заполнили глаза, Вероника сглатывала их, не давая пролиться, интуитивно чувствуя, что слезами Сережу не растопить. Да и что она могла противопоставить кошмару на мониторе? Ни-че-го. У нее не нашлось аргументов.

– Куда же мне... ночью? – выговорила она, надеясь все же задержаться хотя бы до утра, чтобы привести мысли в порядок, найти точку опоры.

– Это твои проблемы, – отрубил муж. – Машину брать не смей, привыкай теперь обходиться без колес. Уходи.

– Даже не выслушаешь? Ты не можешь так поступить со мной...

– Почему же? Могу. И поступлю. Убирайся, я, кажется, ясно сказал.

Глядя в непримиримые глаза мужа, она поняла: усилия напрасны, но с этой мыслью невозможно смириться. На слабых ногах, не веря в реальность, Вероника шагнула к лестнице в лихорадочных поисках, что еще может сказать в свою

защиту, обернулась:

– А детям что скажешь?

– Завтра подумаю.

– Но как я доберусь до города?

– Пешком прогуляйся! – рявкнул он. – Полезно.

Итак, вина очевидна, надеяться не на что, значит, придется уйти.

– Сережа, отдай мне флешку. Я хочу...

– Ты хочешь забрать доказательство твоей измены? Иди. И телефон оставь. Он дорогой, куплен на мои деньги, ты и рубля не заработала.

– Я твоя жена! Ты сам требовал, чтобы занималась детьми и...

– Была женой, теперь никто. Как пришла в мой дом в том, что на тебе было, так и уходи – в чем стоишь.

Когда приходит осознание, что данная ситуация разрежала твою жизнь на до и после, когда увещевать, умолять по-временить и разобраться с инцидентом, взывать к здравому смыслу, дело бесполезное, охватывает симбиоз состояния апатии и отрезвления. При всем том удар настолько сильный, к тому же неожиданный, что охватил внутренний паралич, мозг, сердце, душа отказывались принять данность и реагировать. Удел один в данных обстоятельствах: смириться.

– Я не виновата, но уйду, как ты требуешь, – сказала Вероника. – Мне в халате уйти или позволишь переодеться?

– Переодевайся, – разрешил Сергей. – Только быстро, я

не желаю тебя видеть и слышать в своем доме.

Она спустилась в гардеробную, как ни странно, сообразив, что следует одеться потеплей. Сергей не отставал от нее, наблюдал, скрестив на груди руки, за переодеванием жены, которая даже не предполагала, что муж такой меркантильный. Он демонстрировал всем своим видом, мол, я слежу, чтобы ты не украла ничего из дорогих шмоток.

Одевалась Вероника в самое простое, впрочем, простых, то есть дешевых вещей, здесь не было, но брала что попроще: теплые колготки, джинсы, рубашку, свитер, широкий шарф на голову. Из трех шуб не притронулась ни к одной – все равно Сережа не позволит, надела старую куртку с капюшоном, в которой любила копаться в саду. В прихожей Вероника переобулась в демисезонные сапожки на низком ходу, теплых просто не покупала, она же ездила на машине, и взяла сумку...

– Дай сумку, – потребовал Сергей.

– К тебе я пришла с сумкой, но она давно выброшена...

– Дай! – приказал он.

Вероника протянула сумку, в которой Сергей порылся, вынул кошелек, проверил карточку и вернул ей назад без кошелька, бросив страшные слова:

– Прощай. Чтоб я тебя больше здесь не видел.

– Даже денег мне не оставляешь, – констатировала она.

Ни слова больше не говоря, Сергей взял ее за локоть и просто вытолкал за порог дома. Раздался щелчок – он пога-

сил внутри свет, она видела, как муж удаляется от двери.

Вот и все? Так просто и так быстро перечеркнута целая жизнь? Вероника стояла некоторое время, не выбирая направление, куда пойти, нет, а привыкая к новому положению, к нелепой ситуации, к разрушению.

Но нельзя же долго стоять, словно собака у дверей хозяев, ей приказано уйти. Она провела взглядом по двору, теперь это не ее дом, не ее двор, не ее жизнь. Пора уходить. Натягивая перчатки, посмотрела в небо.

Тихо. Холодные звезды и холодный месяц посылали на землю холодный свет в эту морозную ночь...

А Сергей пришел в столовую, соединяющуюся с кухней, усевшись за стол, позвал Дарью Егоровну, она тут же пришла.

– Ужин готов? – спросил он. – Я голоден.

– Опять остыл, – сказала она. – Я разогрею.

– Не стоит, так сойдет. Не хочу ждать, устал.

– А Вероника? Ждала вас к ужину, где же она?

– Вероника больше здесь не живет, – огорошил он женщину.

Видя, как у Дарьи Егоровны глаза стали в пять раз больше, что неудивительно, а рот непроизвольно открылся, он, беря бутылку минеральной воды, упредил категоричным тоном дальнейшие расспросы:

– Никаких вопросов. Никаких высказываний. Никаких напоминаний.

На ультиматум Дарья Егоровна медленно закивала, только потом закрыла рот, даже губы сжала, чтобы случайно не вылетел один из ста вопросов, посетивших ее голову за одну секунду по поводу заявления Шевелева. Она молча подала ужин, поглядывая с опаской на хозяина, вдруг у мужика крышу сорвало, что, если ему скорая нужна? Словно подтверждая ее опасения, он высказал ужасающую просьбу:

– Дарья Егоровна, хочу попросить вас об одолжении, надеюсь, вы не откажете мне в помощи. Наймите гувернантку, можно с проживанием. Вы женщина, лучше меня разберетесь, какая нам подойдет.

– Х... хо... рошо, – выдавила она из себя, словно чем-то подавилась. – Но... но так просто няню... ой, гувернантку... не нанять. На это время уйдет.

– Завтра найму экспресс-няню, несколько дней придется вам потерпеть, пока не найдем подходящую.

– Ага... да... – И ретировалась в кухню.

Не верилось ей, что все так серьезно, ведь никаких предпосылок к подобному повороту не было, она обязательно заметила бы. Вот что могло случиться за день, что? Разве бывает, утром все отлично, мир, лад, улыбки, поцелуи, днем перезваниваются, вечером Вероника ждет мужа, он приезжает, а она уходит!

– И больше здесь не живет, – процитировала Дарья Егоровна с ума сошедшего Шевелева, недоуменно подняв плечи. – Господи, что же произошло, а? Вероника ушла, не по-

ужинав, а время позднее... И куда ушла? У нее же никого нет! Где она ночь проведет? Не на улице же. Ведь не бывает, чтоб вот так сразу!..

Очень расстроилась. До слез. Тот, кто не работал у чужих людей в прислугах, не поймет ее слез, а ведь это важно, у кого служишь. За много лет Дарья Егоровна грубого слова не слышала, привыкла к этому дому, к демократичным порядкам, к Веронике, которая не корчила из себя барыню с замашками тупой куклы.

– Ой, что это я! – испугалась Дарья Егоровна, хотя мысли свои не высказывала вслух. – Так нельзя отзываться о... Но что же случилось, что?

И всплакнула. Потому что сегодняшние внезапные перемены не сулили добрых перспектив, когда разлад в доме, плохо становится всем.

* * *

Мороз... Он сейчас только помогал, иначе от внутреннего жара Вероника расплавилась бы, ей было настолько жарко, что она расстегнула куртку и стащила с головы шарф. Шла по утрамбованной колесами дороге, в этот час по ней проезжал редкий автомобиль, что устраивало Веронику, сейчас ей хотелось отгородиться от мира, от всего живого, даже от вселенной со звездами. Никаких эмоций не было, будто не с ней случился кошмар, масштабы которого она до конца еще

не осознавала.

Но нет, кое-что осознавала. Вероника не из тех, кто после любой неприятности сразу расквасится и бежит топиться, у нее стойкий иммунитет от всякого рода ударов. Однако надо признать, муж Сережа раздавил ее, заполнил место в душе, где жила любовь и счастье, пугающей пустотой, а что будет потом, когда осознание краха придет? Это то состояние, в котором она находилась. Тем не менее Вероника топиться не думала, да и негде здесь. Она просто шла туда, где горели огни, а идти далеко, правда, конечной цели не было у Вероники.

В сущности, ее дом... был ее дом... в черте города, просто это новый престижный район, бывший дачный. Застройщики выкупили дачи в добровольно-принудительном порядке, снесли халупы, выкорчевали подчистую все насаждения, разделили на участки и строили особняки по индивидуальным проектам, один из которых купил Сергей, так появился их дом. Потом заново засадили деревьями участок, дизайнерскими работами занималась Вероника, сама управляла нанятыми рабочими. У нее не было специального образования, только охватило желание создать уголок, свой, а не по чужому проекту, создать собственную планету в большом городе. Она изучала способы обустройства участка, получилось превосходно, собственно, как и все, за что она бралась. Да, есть люди, в руках которых преобразается любая идея, в этом смысле руки Вероники волшебные. Но все это, как ни

странно, в прошлом... Неужели в прошлом?

Хоть это и черта города, но жители по привычке говорят, мол, я поехал в город, как говорили когда-то дачники, в те времена дачи были далеко от города, сейчас означает «в город» – это ближе к центру. Туда и направлялась Вероника.

Она шла и шла. Когда от жара хотелось пить, сворачивала на обочину, зачерпывала снег и, продолжая идти, ела его, растаявшими остатками протирала лицо. В голове пусто или звучали жестокие слова мужа, перед глазами мелькали: либо дорога, либо видосик с ее изменой, при этом ни одна картинка не вызывала реакций. Никаких. Словно невидимой рукой отсекло внутри все органы чувств. Может, так выглядит защитная реакция, чтобы Вероника не сошла с ума или, того хуже, – не умерла прямо на ледяной дороге под такими же ледяными звездами?

Пришла. И стояла у перекрестка, а перед ней простирались три дороги, все вели в три центральных района. Тут уже как днем: автомобили во все стороны мчатся, огни мелькают цветные и яркие, а одолевает тоска, ибо идти некуда.

Сколько времени длилось путешествие пешком, неизвестно, телефона нет, часы в спальне на прикроватной тумбочке, прохожих почти нет и нет желания их останавливать, чтобы спросить, который час. Где же провести остаток ночи, которые зимой длинные? Знакомые и друзья есть, но не ночью же к ним являться. А что она им скажет, явившись? И как они ее примут? Успешные любят таких же и презируют неудач-

ников.

Пока стояла, замерзла. Натянула на голову шарф, сверху капюшон куртки, однако хотелось настоящего тепла, а для бездомных доступное тепло только на вокзале, правда, идти далеко... но разве есть другие варианты?

* * *

Дети просыпаются рано, тут-то и начались проблемы у Дарьи Егоровны, хотя она встает утром раньше всех. Но одно дело завтрак приготовить всем, другое – и завтрак, и детей умыть-одеть, подать-накормить, старшего в школу отвезти... А как она отвезет, не умея водить? Младшую Вероника приучала к садику, чтобы с детьми научилась общаться, но малышка категорически не желала ходить в садик, она мамин хвостик. И что делать? Понимая, что не справится без помощи, Дарья Егоровна решила зайти в спальню хозяев...

У-у-у... Сергей Юрьевич спал в кресле, не раздевался, значит, не ложился. На полу стояла пустая бутылка коньяка, валялся разбитый бокал. Ясно, напился.

– Что же вы натворили, голубчики? – прошептала она.

Направилась к Шевелеву, да передумала и подошла к окну, раздернула шторы, белый свет ворвался в спальню и обнажил... кавардак. Дрались, что ли? Или обыск был? Только никто из посторонних к ним не приходил. Но и драку во-

образить, чтобы Вероника – сама мягкость и беззлобность, с мужем дралась... нет, невозможно даже представить! Однако бардак в спальне... К тому же, как показывает криминальная хроника, в жизни случаются и невообразимые вещи. Дарья Егоровна подошла к Шевелеву и тронула его за плечо.

– Сергей Юрьевич... Проснитесь, пожалуйста...

– Чего? – промямлил он сонно, не открывая глаз.

– Извините, но Никиту надо отвезти в школу.

– Везите, я даю согласие, чтобы вы...

– Но... мне казалось, это вы должны... Я же не умею водить, никогда не садилась за руль...

– Такси вызвать надо, и вернетесь на такси. Все, идите... идите!

– А кто с Ладушкой останется? – повысила она тон.

Ни разу до сегодняшнего утра не повышала голоса, но в данной ситуации следовало достучаться до полупьяного существа, от которого почему-то сбежала жена прямо ночью. И подозревала Дарья Егоровна, что Шевелев натворил такое, чего Вероника не вынесла и, поддавшись негодованию, покинула этот дом.

– Я побуду с дочкой, – выговорил он.

– Так, – поставив руки в боки, проговорила она. – Значит, с Ладой останетесь вы? Хорошо. Тогда идите в душ, потом ее покормите и займите. Вставайте, вставайте... Если вы сейчас же не пойдете в душ, я не повезу Никиту в школу.

– Что вы так кричите... – поморщился он, отворачиваясь

от Дарьи Егоровны.

– Я кричу? Бог с вами! Решайте скорей, вашему сыну в школу пора.

– Ладно, – поднялся Шевелев. – Я отвезу Никиту и поеду на работу.

– В таком виде вы сядете за руль?! Только без Никиты!

– Вызывайте такси. И соберите Ника.

Проводив Шевелевых, Дарья Егоровна усадила пятилетнюю Ладку за стол, дала задание собрать пазлы, девочка любит копаться в мозаиках, лепить и рисовать. Но вопроса «где мама?» Дарья Егоровна не избежала, а что ответить ребенку? Только солгать, мол, уехала мама по делам. Итак, ребенка заняла, вышла из детской и достала телефон. Конечно, она позвонила Веронике... и услышала мелодию ее трубки из верхнего кабинета, который еще называли в доме библиотекой, там много шкафов с книгами. Дарья Егоровна помчалась на звук, открыла дверь и ужаснулась: смартфон на столе у компьютера.

– Ушла без телефона? – расстроилась женщина. – А как же теперь я свяжусь с ней? Вот где она? Что с ней? Господи, что ж это творится? Боюсь, что Сережа решил жениться на другой, как и старый болван – его папаша.

Глава вторая

Ледяной ад

А Вероника ночь просидела на железнодорожном вокзале, иногда впадала в забытие, ненадолго. Это словно провал в бездну был, потом раз – и снова зал ожидания, шумовой фон, типичный для вокзалов: голос диспетчера, музыкальные отбивки, звук проезжающего поезда, чужая жизнь вокруг. И не проходило ощущение себя в данном пространстве лишней, как инородное тело.

Лишняя... Слово засело в голове и сверлило мозг, сверлило, будто намекая: а ты как Анна Каренина, под поезд – прыг, или слабо? Какой подлый внутренний голос, даже он предавал хозяйку. Вероника дождалась часа, когда приятельница приходит на работу, и отправилась к ней, правда, ноги не хотели идти, ноги устали после ночного путешествия, но надо же куда-то приткнуться хотя бы на пару дней.

Салон начинает работать с десяти утра, хозяйка приходит намного раньше, когда она одна, надо звонить, и Вероника позвонила. Лера, открыв дверь салона, изумленно вытаращила ярко накрашенные очи, изумленно произнесла:

– Вероника?! А я-то думаю, кто пожаловал, не предупредив? Ну, заходи... раздевайся... А что это ты так выглядишь?

– Как – так? – снимая куртку, спросила Вероника.

– Непривычно... Я про дресс-код, у тебя же стиль герцогини.

Не покривила душой Лера, Вероника никогда не появлялась в спортивном виде, будто собралась за город, в данный момент одежда на ней, конечно, добротная, но не ее стиль. Тем временем осмотрела себя, пожала плечами:

– Обыкновенный стиль, я не на прием еду.

– И уставшей выглядишь.

– Это есть. Неужели видно, что я...

– Видно, – заверила Лера.

– Чаю дашь? Мне бы согреться... Я жутко замерзла, пешком шла...

– Конечно, чаю сколько хочешь, – обводя ее растерянным взглядом, заговорила Лера скороговоркой и пригласила, указав рукой на зал: – Идем сразу в уголок отдыха. Пешком шла, говоришь... как это? Ты разве без машины?

– Да, без.

– Ты и без колес?! Это же нонсенс. Проходи, проходи.

В маленькой комнате мастера перекусывают, хранят свои вещи, а за этой комнатой кабинет Леры, он гораздо больше и комфортней. В центре города купить подходящее помещение с высоким проходным трафиком проблематично и дорого, раньше это была квартира в старом фонде, ее-то и приобрела подруга. Ей повезло: центр, дом старинный, крепкий, квартира на первом этаже, но убитая, стоимость была до-

ступной. Не одна она оказалась такой умной, несколько человек купили в этом же доме убитые квартиры на первом этаже с целью открыть свое дело, в основном небольшие магазины, а Лера – салон красоты. Она включила электрический чайник, закипел он мгновенно, достала чашки и по ходу болтала:

– У нас все расписано, мастера придут к одиннадцати, а я пораньше, чтобы написать новый проект... Извини, сейчас бумаги уберу... О, конфеты есть и... и... Печенье, видимо, вчера съели. Вот чай, конфеты...

Лера села напротив, залила пакетики чая горячей водой, чашку с блюдцем поставила перед Вероникой, которая, вдохнув запах чая, ощутила жуткий приступ голода. Шла сюда и мечтала расслабиться, может быть, поплакать и пожаловаться, но она никогда так не делала даже в детстве. Надо собраться с мыслями, а потом уж рассказать. Вероника неторопливо пила плохонький чай, казавшийся в данную минуту самым вкусным на свете, вприкуску с одной шоколадной конфетой и готовилась к признанию, а у Леры не хватило терпения:

– Так что случилось? Ведь случилось, да? Признавайся.

Знакомы они давно, после замужества сложились дружеские отношения, Вероника шла сюда, рассчитывая на помощь психологическую и материальную – занять денег, да и приют найти, но... После трех коротких фраз Леры, взглянув в ее глаза, чутье нажало на внутренний тормоз: не смей.

Насторожила несвойственная подружке суета, непонятный азарт Леры притормозил намерения поделиться бедствием.

Действительно, с какой стати она так возбудилась? Неужели поняла, что у Вероники беда, и, кажется, чужая беда ее радует, в глазах Леры сверкал хищный огонек, раньше этого блеска Вероника не замечала. Но, может, в ее положении обострилась мнительность? Как бы то ни было, а свои проблемы пока лучше оставить в себе, и Вероника сказала, как ей казалось, беспечным тоном, опустив глаза в чашку, она не любила и не умела врать:

– Ничего особенного. Знаешь, Лера, в этом мире даже живые люди ломаются, а машины, техника... ничего вечного нет... к сожалению.

Сказала обтекаемо, но из ее тона и фразы можно сделать вывод, будто расстроена она по пустякам.

– Странно, тебя на философию потянуло? Так расстроилась из-за поломки машины? Это же просто железо, твой Сережка новую купит. Нет, все же ты какая-то не такая. Признавайся, что у тебя стряслось?

– Просто устала, долго шла, а телефон дома оставила, – натянула улыбку Вероника. – На днях к тебе заскочу, ногти привести в порядок, волосы... как обычно.

– Записать? На когда?

– М... позже позвоню, надо определиться со временем. Спасибо за чай, я согрелась, мне пора. Прости за внезапное вторжение.

– Какое вторжение? Уж тебе-то я всегда рада. Такси вызывать?

– Не стоит. Погода тихая, пройдусь.

– Не пойду тебя провожать, ладно? Сейчас девчонки придут, мне нужно успеть до их прихода, в гвалте не могу писать план.

После обнимашек Вероника вышла на улицу и задумалась: а теперь куда? Ой, перчатки забыла. Она вернулась в прихожую салона...

– Да, представь! – трещала с кем-то по телефону Лера в зале, находясь вне поля зрения. – Наша сиротка всегда такая расфуфыренная, всегда упакованная в бренды, а тут без колес, в джинсе, куртке, какой-то шарф на голове, как у старухи, я в умате... Нет-нет, мне казалось, она и у плиты в вечернем наряде шаманит. И вся потерянная, я бы сказала, затравленная... Показалось? Нет, я уверена, у нашей сиротки что-то стряслось, явно с Сережей поцапалась... Моя интуиция никогда не обманывает... Не волнуйся, я скоро точно узнаю...

Огорошенная неприятным открытием Вероника не стала дальше слушать, выскочила на воздух, не забыв захватить перчатки со столика перед зеркалом. Сбежав по ступенькам, остановилась, гадая, в какую сторону податься... Вдруг почувствовала: надо оглянуться. Оглянулась. В окне стояла Лера и смотрела на нее, улыбнулась ей. Вероника помахала лицемерной подружке, прощаясь с ней навсегда, и, натягивая

перчатки, ушла.

А в голове сверлило: куда?.. куда? Где надежное место, чтобы перевести дух и подумать, осмыслить, понять, принять какое-то решение? Ей нужно место, где можно спрятаться от всего мира, от лицемерных и завистливых знакомых и, главное, от прежней жизни.

— Куда же мне деться... куда идти...

И остановилась, потому что есть один человек, которому можно довериться, но идти далеко, опять пройти весь город, а потом еще... Шагать надо быстро, чтобы не замерзнуть... но так можно выбиться из сил... а иного выхода нет.

* * *

Ангелина Львовна благополучно посетила магазин, а вот обратная дорога оказалась долгой, именно долгой, а не длинной — что тут идти-то! Но встречи... С этим постоять и поговорить, эта пригласила в дом на чай и попробуй откажись; другая зазвала и яблоками одарила... Пока доберешься до собственного дома, приходится тащить не одну сумку, а две. Набивались и в провожатые, чтобы помочь с поклажами, да неудобно, всякий раз отказывалась, Ангелине Львовне еще далеко до совсем дряхлой старухи, недавно всего семьдесят пять стукнуло.

В поселке она достопримечательность, такой маленькой, худенькой и очаровательной старушки, не похожей на бабуль

в здешних местах, настоящей интеллигентки из какого-то далекого прошлого, больше не имелось. Ее уважали всегда, кстати, есть за что, а здесь тем более, но об этом она не любила говорить.

До дома только в сумерках добралась, в конце ноября темнеет рано, а за разговорами не замечаешь, как время летит. Ангелина Львовна опустила руку через невысокий забор, ощупывая задвижку, чтобы открыть дверцу, а та открыта.

— Хм, забыла закрыть, что ли? Эх, старость, зараза, берет свое.

Ангелина Львовна вошла во дворик, который весной и летом оживает и радуется красотой цветения, божественными запахами и пользой. Соседка Люся зелень всякую посадила, кусты смородины и малины, красиво все росло.

Она прошла по дорожке к дому, несколько ступенек преодолела, вот и дверь. Если честно, устала от излишнего внимания и собиралась полежать перед теликом с книгой, чайком запивая удовольствия. Да, она умудряется под телик книжки читать, любит, когда там разговаривают, спорят, создается впечатление большой семьи, которая у нее была однажды огромная, человек эдак... около ста.

На крыльце Ангелина Львовна поставила сумки, чтобы достать ключи, как вдруг заскулил Дружок. Собака очень ценная, породы дворник-подзаборник, но это не имеет значения, если рядом преданный друг и защитник, найденный

щенком у школьной ограды. А заскулил так жалобно, будто с ним что-то не то, будто звал.

Дружок бегаёт свободно по двору, являясь ещё и живым звонком – лает оглушительно громко, если кто приходит, а к ней бежит с реактивной скоростью, так что Ангелина Львовна хватается за ближайшую опору, иначе пес от счастья свалит с ног. В чем же дело, почему не встретил хозяйку, озаботилась она. Ангелина Львовна взялась за перила, ограждающие крыльцо, посмотрела вниз и ахнула испуганно:

– Господи, это кто тут у меня? Эй... вы кто?

Темновато. Очки засунула куда-то, в сумке не нашла. Ангелина Львовна включила свет под козырьком, спустилась по ступенькам и заглянула за крыльцо, там, вжавшись в угол между домом и высоким крыльцом, съежившись, у стены полусидела женщина, поджав под себя ноги и опустив голову. А Дружок лежал на ее коленях и животе, уложив морду на грудь, пес согревал замерзающую женщину своим телом. Пес, увидев хозяйку, призывно залаял, забил хвостом по заснеженной земле, но не кинулся к ней, а уложил голову назад на грудь бедняжки. Правильный поступок, человек густой шерсти не имеет, его нужно согревать в мороз, вот и верь, что живность не умеет думать. Ещё как умеют, особенно собаки.

– Кто вы, женщина? – спросила громко Ангелина Львовна, несмело приближаясь, вдруг пьяная забрела, а пьяный

человек неадекватен.

Лицо женщины было спрятано в шарф, на вопрос не ответила, даже не шевельнулась, да и жива ли? Пьяная или трезвая, а замерзнуть без помощи никто не должен. Приближаясь к бедняжке, Ангелина Львовна сокрушалась и рассуждала вслух, собственно, она частенько разговаривает сама с собой:

– И как же тебя занесло сюда, кто ж тебя загнал так? Плохо, когда женщина пьет... а одета прилично... Но и приличные пьют, даже чаще, чем неприличные.

Присела и взяла руку бедняжки, а та даже в перчатке ледышка просто. Неужели и правда она того?.. Впрочем, Дружок не слез с ее колен, должно быть, жива. Ангелина Львовна освободила лицо женщины от шарфа и... ей показалось, что обозналась, ведь лампочка под козырьком слабая, дама в тени к тому же, а глаза без очков... Она подхватилась и поспешила в дом, там взяла ручной фонарь, вернулась к неожиданной гостье и посветила ей в лицо.

– Вероника! – вскрикнула. – Вот уж не думала... Вероника, девочка, ответь хоть что-нибудь... Ты жива?

Потянула ее за руку, надеясь поднять... бесполезно.

– Очнись, Вероника... Тебе надо зайти в дом... Милая, помоги мне отвести тебя... Вероника, почему ты молчишь? Ну, хоть знак дай, что жива...

Трясла ее за подбородок, хлопала по щекам, реакции не добилась. Лоб ледяной. С замирающим сердцем Ангелина

Львовна поднесла к носу Вероники тыльную сторону ладони, напряглась, улавливая малейшее дыхание жизни... и поймала едва ощутимое тепло... Пауза... Еще раз тепло коснулось кожи...

– Жива!

Эх, как подскочила Ангелина Львовна, словно ей семнадцать лет, пронеслась к соседнему дому, ворвалась к соседям, как тайфун, панически выпалив на скорости автомата во время боя:

– Мне нужна помощь! Срочно! Где Роман? Срочно его ко мне... туда!

– Что случилось? – испуганно пролепетала мать Романа.

– Моя воспитанница... ждала меня и... уснула или сознание потеряла... она едва жива... замерзает... сидит под крыльцом и совсем не реагирует... Ее Дружок согревает. Помогите перенести Веронику в дом. Быстрее, иначе она... боюсь произнести это страшное слово.

Минуты через две все трое стояли у тела Вероники, дамы советовались, как занести воспитанницу, кто и за какие части тела возьмет.

– Отойдите обе, – приказал Роман, главный мужик на два дома, а потому ужас какой серьезный. – Сам справлюсь. Ангелина Львовна, заберите своего дружбана, он рычит, не подпустит, дурачок. Эй, псина, я свой, не узнал?

– Рычит? – удивилась хозяйка, идя к собаке. – Кажется, и слух меня подводит, не слышу. Дружок, ко мне, дорогой...

Люсенька, не будем мешать Роме, отойдем?

Она взяла за ошейник пса и отвела в сторону. Роме двадцать шесть лет, на вид простоват, с крупными чертами лица, высокий, серьезный, не болтливый и не хвастливый, не впечатляет и силушкой богатырской, однако он крепкий, ибо занимается спортом, поднял Веронику легко и понес в дом, ворча:

– Худая, а тяжелая. Неужели кости столько весят? Куда ее?

– В спальню. Там теплей, к тому же тихо. Люся, а с ней что делать? Как-то надо в чувство привести, мне не пришлось... приводить в чувство от переохлаждения.

– Да и я не знаю, – пожала плечами соседка. – За фельдшерницей Романа послать?

– Нет ее! – воскликнула с отчаянием Ангелина Львовна. – Как назло, уехала! Встретились с ней, когда я шла в магазин, она остановилась, поздоровалась, напомнила, чтобы я прекратила принимать препарат, как будто я маразматическая старуха и ничего не помню. Так и узнала, что она поехала к отцу в город дня на три, заболел он. Все равно тут лечить некого, все здоровы. Но что же нам делать, дорогая Люся?

– В интернете посмотрите, – выйдя из спальни, посоветовал Роман.

– Ой, правда, – всплеснула руками Ангелина Львовна и принялась вытряхивать из сумки все на стол в поисках смартфона. – Интернет... Там же советы на все случи жиз-

ни, я совсем потерялась, когда Веронику увидела... в таком плачевном... Боже, сколько же баракла в моей сумке, я и не подозревала, всегда все ищу... Вот он! Уложил Веронику, Рома? Как она?

– Нормально, – сказал парень. – То ли спит, то ли без сознания, я ведь не разбираюсь. Накрыть ее надо, а?

– В шкафу одеяла, – отмахнулась она, уставившись в смартфон. – Возьми два. Верблюжьи.

– Сыночек, – обратилась к нему Люся, – ты с девушки куртку снял?

– Нет. А что, надо было?

– Я иду с тобой. И сапоги не снял, да? Вот балбес.

Пока они в спальне снимали верхнюю одежду с бесчувственной Вероники, Ангелина Львовна успела прочесть, что нужно делать, позвала соседку, когда та появилась, сообщила:

– Люся, я нашла! Будем следовать инструкциям...

– А чего делать надо? Может, в баню ее? Я натоплю, Ромка отнесет к нам, а потом назад...

– Баня не подходит, резкое повышение температуры интернет отменяет. Итак, сначала температуру измерим, если она меньше 34 градусов, сами можем не справиться, тогда скорую следует вызывать. Согреть нужно в первую очередь тело, переодеть в сухую и теплую одежду, руки-ноги обернуть теплым шарфом... а тело... тут не написано толком... Грелку положить?

– Дружка запустите, – со знанием дела посоветовал Роман. – Ляжет рядом и согреет лучше вашей грелки. Не зря же два раза в день по миске трескает с большим аппетитом, я бы сам такое ел, как вы ему варите. Пусть отрабатывает.

– Хм, а я и не сообразила. Потом надо напоить теплым молоком или травяным чаем...

– Ну, это просто, справимся, – обнадежила Люся.

Она обычная деревенская женщина, мощная телом, крепкая духом, деятельная, в подобных обстоятельствах не любит ждать, спросила задумавшуюся Ангелину Львовну:

– Что с вами?

– Я вот думаю, тут непонятно написано... – потрясла смартфоном та. – Видишь ли, мы должны привести Веронику в вертикальное положение.

– Это как? – не поняла и Люся. – Как стоять она будет без памяти?

– Вот и я думаю – как? Причем... м... вертикально. Главное, зачем это самое вертикальное?

– Обложите ее подушками так, чтобы она почти сидела, – нашелся не паникер и самый умный среди них Рома. – Это для того, чтобы напоить теплым напитком. Потом подушки уберете и назад уложите.

– Правильно! – обрадовалась Ангелина Львовна, всплеснув руками. – Но у меня молока нет... да и травами я не запаслась, все больше таблетками увлекаюсь.

– И молоко есть у меня, и трав я засушила, – успокоила

Люся. – Принести? Я мигом туда и обратно.

– Чуть позже. Идемте, дорогая! Сначала температура, переодеть, укутать, потом будем заваривать. И ты, Рома, не уходи, отдыхай, вдруг понадобится.

– Ладно, – отодвигая ногой стул от стола и садясь на него, ответил Роман. – Если что, зовите.

Женщины решительно вошли в спальню, а Роман уселся на стул и уткнулся в свой смартфон.

Глава третья

Взрыв среди бела дня

– Изменила... – как бы находясь сама в себе, произнесла, глядя в сторону, мать Сергея Татьяна Власовна, женщина с лицом страдальцы, отечными припухлостями и безучастным взглядом.

Более ничего не отобразилось на ее изможденном лице, не разразилась она проклятиями в сторону подлой невестки, не утешала сына, не нашла тысячу советов на все фазы его состояния рогатого мужа. А это состояние продлится долго, уж она-то знала. Татьяна Власовна думала о своем о больном, выходящем за границы разума, о позорном, как сама считала. От этой боли она устала, потому и не хватило у нее сил реагировать на развал семьи сына, как не хватало сил преодолеть усталость, апатию и потерю интереса ко всему, что окружало.

К матери Сергей приехал пообедать, чем удивил ее, он редкий гость, а уж обедать никогда не приезжал. Она мать, следовательно, прочла на его лице: что-то случилось, ни о чем не спросила, раз приехал с таким странным желанием, значит, сам и расскажет.

И рассказал за обеденным столом, но без подробностей обошелся, всего лишь доложил, мол, Веронику прогнал, по-

тому что она ему изменила, он получил доказательства, против которых у нее ничего нет. Все. В детали вникать Татьяна Власовна не стала, собственно, последнее время любопытством она не страдала, а в коротких фразах Сергея и так ясна суть.

Она взглянула на сына и невольно сравнила его с собой, вспомнила, как билась в истерике, ревмя ревела, оскорбляла мужа за измену, пыталась отлупить его шлюху, а позже жenu... как глупо. Сама себя унижала, но была сильна жажда причинить им ту же боль, которая пожирала ее, причинить неудобства, неприятности, увидеть страдания и стыд за ее же поступки. Обычно ведь стыдно за проступки близких, этого она и жаждала, но не дождалась.

– Что так смотришь на меня? – спросил Сергей.

– Оцениваю тебя и себя с высоты своего печального опыта. – Татьяна Власовна вздохнула, незаметно смахнув слезу, до нее дошло, что в эту трудную минуту нужно признанием своим помочь сыну. – Ты достойно себя ведешь в отличие от меня. Ты спокоен, хладнокровен, мне это нравится.

– Спокоен? Не сказал бы...

– Сомневаешься в своем реактивном решении? Можешь вернуть жену, ей некуда идти, она вернется. Но помни: если зло не наказано, в следующий раз оно ударит тебя сильнее, возможно, сразит насмерть.

От ее слов Сергей заерзал, словно ему вдруг стало неудобно сидеть, потом обхватил подбородок пятерней, поставив

локоть на стол и сдвинув тарелку. Не хотел дальше продолжать болезненную тему, однако только сейчас понял, что к матери пришел за поддержкой, и признался:

– Никаких «вернуть». Исключено. Но паршиво на душе, словно помоями облили ни за что ни про что, не помню такого за собой. А спокойствие – маска.

– В этом и есть сила, я так не смогла... м... ну, ты помнишь... Все помнят. Плохое всегда помнят лучше, чем что-то хорошее. Это и держит меня в четырех стенах, мне стыдно выйти на свет...

– Стыдно? – заострил он внимание на слове. – Почему?

Татьяна Власовна встала из-за стола, подошла к шкафу и принесла бутылку коньяка с одной рюмкой – для себя. Наливая коньяк, заговорила в том же духе человека, которому абсолютно все по барабану:

– Извини, тебе не наливаю, ты за рулем. – Опрокинула рюмку в рот, проглотила и не поморщилась, оторвала от грозди виноградину и закусил. – Так о чем мы?.. А, да, о стыде... Противная это штука, сынок, но ко всему привыкаешь. Видишь ли, когда шел развод, я обнаружила в глазах наших знакомых... друзьями теперь не могу назвать эту гниlostную компанию... увидела воочию торжество и азарт, как за рулеткой. Данное безобразие ты тоже испытываешь, когда станет известно о твоём разводе... Ты ведь разведешься с Вероникой?

– Естественно, – не задумываясь, ответил Сергей.

Мама не высказала ни поддержки, ни осуждения, не напомнила о детях, которым нужна мать, она просто рассуждала, а он делал выводы:

– Твое право. Но когда увидишь, что стал для многих и многих вещей: посмешищем, забавным развлечением, а также способом на твоём несчастье заработать, заметишь злорадство, брезгливость, торжество, услышишь сплетни... вот тогда и прочувствуешь, о каком стыде я говорила. Не испытывай на себе, этого не понять. Как раз все эти взгляды, пересуды, злорадство вынуждали меня совершать неадекватные поступки, как будто им назло... Очень глупо, правда? Правда. Поэтому, сынок, держись достойно, не давай повода, чтобы потом не было стыдно за свои реакции и слабость, которые недоброжелатели возведут во вселенский скандал.

– Слабость? – буркнул Сергей. – Не дождутся.

– Держи лицо, сынок, а пока на твоём... печать твоих неприятностей. (И ещё выпила.) А мы с твоим непутевым папой говорили тебе: безродных нельзя брать в жены. Бесспорно, Вероника красива, умна, умеет себя подать, заботливая, как виделось со стороны, но... за всеми достоинствами прячется простушка, у которой волю и разум подавляет физиология.

– Можно подумать, наш род от Рюрика ведётся, – мрачно заметил Сергей. – Все, мама, относительно в этом мире. Среди аристократов встречаются конченные подонки с извращенцами, а среди отверженных святые и Ломоносовы.

– Исключения только подтверждают правила, – возразила Татьяна Власовна категоричным тоном, словно проснувшись от спячки, но ведь речь шла о ее сыне. – Ты знаешь практически всех родственников: и кто твой отец, и кто мать, и бабушек с дедушками, а Вероника не знает, у нее нет семейной основы... Что поделать, сын, мы с тобой уродились некрасивыми...

– Обыкновенными, – перебил он. – И говоришь ты так, будто отец красавец. Ма, не слишком ли преувеличиваешь его внешние данные?

– Твоего отца делают красавцем деньги. Банально, но чаще всего так и бывает. Знаешь, однажды я нечаянно забрела на какой-то сайт, где молодые девушки предлагают себя богатым мужикам, возраст не имеет значения.

– Мама, довольно, я поставил точку на этой истории. – И поднялся, собираясь уходить. – Мне пора.

Она не останавливала сына, пришла за ним в прихожую проводить. Одеваясь, Сергей все-таки не удержался, констатировал факт:

– Мама, ты пьешь.

– С чего ты решил?

– Круги у тебя под глазами, отечность, как у сильно пьющей, и... за время нашего обеда ты выпила четыре рюмки, это около двухсот грамм.

Ничуть не смутил ее, Татьяна Власовна глумливо протянула:

– Не-е-е, я не пью-ю-ю. Выпиваю. От счастья, что теперь одна, и от жалости к себе, что раньше не понимала этого преимущества, страдала, дура.

– На счастливую ты не похожа ни с какого ракурса.

– Потому что привыкаю! К состоянию счастья тоже привычка нужна. Это ново для меня. Думаешь, с твоим папулей я была счастлива? Нисколько. Ну, в самом начале, может быть... А потом было многолетнее рабство, бесправие и полный контроль. Разумеется, под контролем находилась у него я. И вот теперь могу делать, что я хочу, что мне нравится, как мне удобно. Какого хрена я страдала? Нет, вряд ли это было страдание. Это болезненное, уязвленное самолюбие меня терзало, гордыня. Но знаешь, сынок, я очень жалею о том, что вела себя как последняя дура на ярмарке. Ты самый приличный в нашей семье, так не опускайся же до моего убогого уровня.

– Не переживай, не опускаюсь. Ладно, ма, пока.

Он чмокнул ее в щеку и вышел, Татьяна Власовна медленно вернулась в гостиную, стала у окна и смотрела вниз, как ее Сережа сел в автомобиль и сорвался с места. Она вернулась к столу, налила полную рюмку и произнесла с сожалением:

– И тебе не повезло, мой хороший. Карма... мать ее.

* * *

Сергей подъехал к офисному центру, где арендовал поме-

щения, у отца отдельное здание, принадлежащее полностью ему, но сын предпочел из-под папиного крыла упорхнуть. Не успел войти, ему навстречу стремительно двинулась женская фигура, это была Лера:

– Сергей! Постой!

Подружка жены. Парикмахерка. Не нравилась она ему, отсюда и называл ее презрительно парикмахеркой, а она себя называла стилистом, свою цирюльню – салоном с претенциозным названием «Фабрика красоты». Короче, фабрикантка пожаловала, значит, жену приютила она.

– Чего тебе? – не останавливаясь, спросил Сергей, идя к лифту.

– Я хотела справиться о Веронике...

– Мне некогда болтать, у нее справляйся.

– Но я не могу дозвониться до нее!

– И что? Я здесь при чем?

Он нажал на кнопку лифта и отвернулся от назойливой подружки, которую, по его мнению, подослала Вероника на разведку. Но у парикмахерки нет атавизмов типа собственного достоинства, совести и подавно, она перебежала на другую сторону и, едва не коснувшись носом его носа, спросила возмущенно:

– А ты ей муж или кто? У кого еще я должна выяснить...

– Вот с ней и выясняй все, что тебе нужно, а у меня нет времени. Мне на совещание пора, на производство надо еще доехать.

Пришел лифт, двое оттуда вышли, он вошел... парикмахерка за ним, как коза, прыгнула, тараторя без пауз:

– Сегодня третий день звоню, и никакого ответа. А в пятницу она пришла в мой салон до открытия...

К радости Сергея, зазвонил телефон, он достал трубку:

– Слушаю... Скоро буду... Скоро – это примерно через... минут сорок. Ну и пусть собираются, у меня еще есть время.

Лифт остановился, он вышел и быстрым шагом направился к своей секции. Лера семенила за ним на безумных каблуках, вставляя в паузах, когда Сергей слушал трубку:

– Вся потерянная пришла, какая-то не такая...

– А что, в приемной мало мест, кресел и диванов?.. – сказал громко Сергей в трубку, не обращая на нее никакого внимания.

– И одета странно, я бы сказала, не типично для нее, а слишком уж по-простому, – трещала назойливо Лера.

– Потому! – рявкнул в трубку он. – Не люблю, когда в моем кабинете находятся посторонние без меня, даже если они нужны.

На этом он вошел в свой офис. По правде говоря, Сергей намеренно не послал ее, пытался понять, какого черта ей надо, эта крашенная и перекрашенная матрешка никогда не посещала его офис. Что она хочет выяснить? И только убеждался не без оснований, как ему представлялось, ее прислала жена, чтобы помирила. Зря старается. Он давал однозначно понять послу на каблуках: ты ничто и никто, мое слово – и

тебя спустят вниз без лифта. Лера будто не видела его отношения, но, безусловно, все понимала, она не совсем отбитая, гнула свою линию:

– Можешь объяснить, что случилось?

Он – ни слова, спросил у секретарши Илоны:

– Готовы документы?

– Вот, – протянула та папку черного цвета, наглухо запаянную в целлофановый пакет.

Взяв ее, Сергей прошел в кабинет, потом к шкафу, где был сейф во всю стену, и набрал код. Тем временем Лера, выдержав короткую паузу, чтобы Вероникин хам не вытолкнул ее за дверь, если б нагло вошла вместе с ним, переступила порог кабинета и закрыла за собой дверь, после чего потребовала в благородной тональности:

– Сергей, где Вероника? Почему она была в плачевном состоянии?

– Ты мне надоела, – копаясь в сейфе, бросил он через плечо.

– Тебе трудно сказать, где искать Веронику?

– А зачем ее искать? Она что, пропала? Сгинула бесследно? А я и не заметил. Короче, все вопросы к ней.

– Повторяю, она не отвечает на мои звонки.

– Значит, не хочет с тобой говорить, – взяв еще одну папку и закрывая сейф, нанес он удар по ее самолюбию.

– С чего бы это? – разозлилась Лера. – Мы отлично ладим, а вот вы... вижу, не очень ладите.

На этом он вознамерился послать парикмахерку, но зазвонил телефон. Сергей подошел к столу, куда по пути к сейфу кинул папку и трубку, и после первых слов по телефону переменялся в лице:

– Да, я. А в чем дело?... Что?! Как?! Где?... Я еду. – Повернувшись к Лере, одновременно беря папки, скомандовал: – Проваливай.

– Что случилось, Сергей? С Вероникой что-то?..

Он стремительно вышел из кабинета, приказал секретарше:

– Срочно вызови Ольгу. – И стал звонить.

– Сергей, удели мне... – не унималась Лера.

– Не видишь, я занят? – рывкнул Шевелев так, что она попятилась.

– Сергей Юрьевич, вызывали? – вбежав, спросила Ольга.

Оля – молодая женщина примерно тридцати пяти лет, ей он поручал дела, требующие срочности, зная, что не подведет, тем более и муж работает у него. Он протянул ей папки со словами, произносил их быстро:

– Срочно вези это на совещание и передай Карелину, чтобы сам провел переговоры. Папки из рук не выпускать. Охранников возьми с машиной, поняла?

– Да, все сделаю. А вы? Вас же ждут...

– У меня ЧП. И поручи кому-нибудь выпроводить эту даму, – кивком головы указал он на Леру, потом вспомнил: – Оля, кабинет закрой.

И умчался, обеспокоенный. Лера поняла: он не рисовался занятым, что-то случилось. Она не стала ждать, когда ее начнут выпроваживать, не торопясь и с оскорбленно-гордым величием покинула негостеприимный офис. Пришлось несколько минут ждать у лифта, она в нетерпении постукивала носком сапожка о пол в ожидании и негодовала по поводу мужа сиротки Вероники, ну, никакой культуры, манеры деревенщины. Дождалась, а потом быстрым шагом, переходя на бег, выскочила из центра, села в машину и позвонила.

– Лера, привет, – ответил женский голос.

– Я встречалась с Сергеем... не знаю, как тебе сказать...

– Да прямо говори, – раздался нервный голос в трубке.

– Ничего не сказал, – досадливо произнесла Лера. – Ничего. Мрачный, злой, недружелюбный, хотя... я его знаю как образцового хама, так что грубости ничего не значат. Но! При этом у меня возникла уверенность, что у них серьезный разлад. Думаю, наша сиротка выкинула фортель, у нее же замашки княгини, а сама дворняжка, чем-то она взбесила Сережу, ну и... что-то произошло. По моим наблюдениям, у тебя шанс есть, небольшой, но тут главное – вовремя очутиться рядом, с пониманием, сочувствием, лестью. Мужики на лесть падки, дерзай.

– Спасибо, Лера. А почему ты не дерзаешь?

– Все просто: Сережа не герой моей мечты. Ладно, пока.

Лера кинула смартфон на пассажирское сиденье рядом, завела мотор и заворчала, как старая недобрая гримза, тро-

гаясь с места:

– Дерзала я, дерзала. Не по зубам мне оказался Сережа. Не въеду, чем сиротка лучше меня? Я эффектней, меня за километр видно, не то что его рыба детдомовская с ледяными глазами. С такой, как я, мужчина только выиграет. Ничего-ничего, красивая, хищная и умная из породы стервятников с ним справится быстро. А сиротка... у меня останется уважаемая клиентка, деньги еще никто не отменял, я с удовлетворением послушаю, как будет жаловаться, и посочувствую.

Размечтавшись, едва не угодила в аварию, ведь скользко.

* * *

Сергей бежал по длинным коридорам ожогового центра по маршруту, указанному шустрой медсестрой. Первый поворот пропустил, добежал до второго... Забыл, куда поворачивать – налево или направо? Налево! Там увидел знакомые фигуры, они стояли у стены, теперь он замедлил шаг, восстанавливая дыхание и сердцебиение.

– Сережа! – кинулась к нему сестра Яна, самая младшая в семье, ей двадцать три года, повисла на шее и заревела.

– Что с отцом? – спросил Сергей брата Бориса, на жену папы Злату даже не взглянул. – Толком кто-нибудь объяснит?

– Он в операционной, – хмуро сказал Боря, опиравшийся спиной о стенку, сунув руки в карманы джинсов. – Это там, –

кивнул головой в сторону стеклянных матовых дверей. – Тут да не пускают, так что не рвись.

Все трое явно устали стоять, Сергей предложил:

– Бежал к вам и видел рекреацию, там диваны и кресла, идемте туда. Здесь мы ничего не выстоим.

Обняв сестру за плечи, он первым и отправился назад по коридору к зоне отдыха, которая находилась на том же этаже. Два дивана и четыре кресла более чем достаточно для небольшой компании, освежают уголок растения в контейнерах. Сергей с Яной сели на один диван, Борис напротив, Злата – в кресло рядом с ним, эдакое семейное противостояние даже в этой обстановке проявилось.

– Как это случилось? – задал следующий вопрос Сергей.

Он смотрел на Бориса, а тот перевел глаза на Злату и ладонью подал знак ей, мол, отвечай братцу ты. Нехотя Сергей повернул голову к... как бы это сказать... к мачехе – смех один, у него язык не поворачивался даже мачехой назвать ее. Сидела она немного наискосок, он уставился на Злату, как удав на невкусную еду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.